

Мой двоюродный дедушка Кирилл Семёнович Москаленко (брат моей бабушки Евдокии Фоминичны Бражко) родился 11 мая 1902 года в селе Гришино, под городом Красноармейском (ныне — Покровском) Донецкой области. В Великую Отечественную войну командовал 38-й и 40-й армиями. Маршал Советского Союза, дважды Герой СССР. Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета девяти созывов. Был командующим войсками Московского военного округа. В 1953 году принимал участие в аресте зловещего Лаврентия Берии. В 1960-х годах занимал должность командующего Ракетными войсками стратегического назначения, был заместителем министра обороны СССР. Написал двухтомные мемуары под названием «На Юго-Западном направлении». Умер 17 июня 1985 года в Москве.

Лаврентия Павловича Берия арестовали через три месяца после смерти И.В Сталина — 26 июня 1953 года, и тут же его обвинили в государственной измене, судили и, если верить официальной информации, по решению суда расстреляли. Однако в партийных кругах укрепилось мнение, что никакого ареста и суда тогда не было, и всё это придумали для народа и заграничных журналистов лидеры советского государства. В действительности же Берия без всякого суда застрелили прямо на заседании, тело его уничтожили, а потом объявили всем об аресте и суде. И уже вдогонку к произошедшей смерти сфабриковали необходимые процессуальные действия.

По распространённой Хрущёвым официальной версии Берия был расстрелян 23 декабря 1953 года, но ещё и до сегодняшнего времени смерть одного из самых влиятельных и зловещих политических деятелей сталинской эпохи, носившего прозвище «лубянского маршала», вызывает у историков многочисленные вопросы. Большинство экспертов убеждены, что весь процесс суда над Берией был инсценирован, а сам он был убит задолго до разыгранного в декабре 1953 года суда. В связи

с этой туманной историей было написано множество отличающихся одна от другой версий, по одной из которых Лаврентий был убит во время штурма особняка на улице Качалова, в котором он жил, по другой — расстрелян в бункере Московского военного округа, а по третьей — убит на заседании ЦК КПСС, проходившего 26 июня 1953 года в Кремле. Исполнителем стремительно исполненного приговора, по рассказам Никиты Сергеевича, выступал один раз генерал Москаленко, другой раз Микоян, а в третий — даже сам Хрущёв. При этом он подчёркнуто добавлял (и это произносилось им задолго до суда!), что дальнейшее расследование дела Берии полностью подтвердило, что «расстреляли его абсолютно правильно». Живой Лаврентий вызывал у всех участников антибериевского заговора такой страх, что они не смогли бы ни спокойно спать, ни есть, ни вообще ничего делать, постоянно дрожа при мысли, что сидящий в бункере Берия вдруг сумеет каким-то образом вырваться на свободу или сообщить о себе своим верным соратникам, и тогда подчинённые ему войска ВВ и КГБ немедленно совершат государственный переворот, вернув его в Кремль и перестреляв всех тех, кто пошёл против него вслед за Хрущёвым. С учётом этой пугающей ситуации члены ЦК пришли к необходимости Берию не только не держать до суда, а немедленно расстрелять, потому как из-за мёртвого, как сказал Хрущёв, никто совершать переворота уже не станет.

Серго Лаврентьевич Берия в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия» цитирует известного французского журналиста Николая Верта, который в одной из своих публикаций на эту тему замечал, что Лаврентий Павлович Берия «был расстрелян сразу же после ареста».

Опровергал официальную информацию об исполнении приговора 23 декабря и Авторханов, который сообщал в своих исследованиях о немедленном расстреле Лаврентия Берии прямо в день его ареста 26 июня 1953 года, не дожидаясь никакого суда. Не случайно в акте исполнения смертельного приговора исполнение этой акции было поручено уже тому лицу, кто его должен был бы выполнять, если бы всё и правда совершалось в соответствии с законом. Не случайно, как замечает в своей книге «Возле вождей» Сергей Красиков, «констатации факта смерти Л.П. Берии врачом в протоколе нет» — это тоже является косвенным подтверждением того, что констатировать 23 декабря 1953 года врачу было уже давно нечего, так как тело Берии почти шесть месяцев было уже где-то тайно закопано или сожжено. (А вот под актом о смерти расстрелянных в декабре 1953 года соратников Берии — Кобулова и других, так же, как и под актом об их кремации, подпись врача есть, но там нет имени самого Берии.) По словам Серго Лаврентьевича, тогдашний председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник заявил ему: «Живым я твоего отца (на суде и вообще после ареста — Н. П.) не видел...» Сюда же Серго Лаврентьевич присовокупляет и признание бывшего секретаря ЦК КПСС, министра культуры СССР Н.М. Михайлова, сказавшего ему, что «в зале суда сидел совершенно другой человек».

Многочисленные версии ареста Берии наводят на мысль, что 65 лет назад авторам этих версий было предложено некое «либретто», на тему которого они и фантазировали, иногда путаясь в подробностях. Опытные, профессиональные «режиссёры» как раз и могли внести эту намеренную путаницу, чтобы отвлечь внимание «зрителей» от единственного правдивого сюжета. И этот сюжет тогда был очень прост и прозаичен — «убрать Берию» (выражение Н.С. Хрущёва). Американский писатель Джон Фишер утверждал, будто бы в беседе с одним западным дипломатом подвыпивший Хрущёв доверительно сообщил, что это он собственноручно и «убрал» Берию, застрелив его прямо тогда же на заседании Президиума Совмина. В других воспоминаниях фигурирует сцена ареста с участием маршала Жукова и других высших офицеров армии, в которой то ли

Хрущев, то ли Маленков, то ли они оба одновременно нажали кнопку вызова и, войдя в зал заседания, «Москаленко и другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию».

Первым среди обнаживших оружие неизменно называется Кирилл Семёнович Москаленко. Да это и понятно, поскольку в Кремль тогда с оружием никого не пропускали, и вооружённым во всей группе заговорщиков был только он один, поскольку его об этом лично предупредил накануне сам Хрущёв.

Да и Георгий Константинович Жуков, рассказывая о сцене ареста Берии, проговаривается: «Да, забыл. В момент, когда Берия поднялся, и я заломил ему руки, тут же скользнул по бёдрам, чтобы проверить, нет ли пистолета. У нас на всех был только один пистолет...»

У кого именно он был, догадаться нетрудно: практически все источники сообщают, что Булганин провёз в Кремль «Москаленко с оружием», и что первым в зале Президиума обнажил оружие тоже именно он. (Остальных, скорее всего, не запомнили по той простой причине, что больше ни у кого с собой оружия не было.)

О том, почему Москаленко был вооружён, рассказывает он сам в своих воспоминаниях. В 9 часов утра 25 июня, говорит он, по телефону АТС Кремля ему позвонил непосредственно сам Хрущёв и спросил, имеются ли в его окружении близкие и преданные люди. Москаленко ответил, что такие люди имеются, после чего Хрущёв сказал, чтобы он взял этих людей и приехал с ними в Кремль к Маленкову. Тут же он добавил, чтобы Москаленко взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигары. Москаленко ответил, что заберёт с собой все перечисленное, однако курить бросил ещё на войне, в 1944 году. Хрущёв засмеялся и сказал, что сигары могут потребоваться не те, которые он имеет в виду.

Тогда генерал догадался, что надо взять с собой в Кремль оружие...

Вскоре после этого последовал звонок министра обороны маршала Булганина, который предложил Москаленко сначала прибыть к нему. В беседе с глазу на глаз министр объяснил задачу и спросил: кого можно ещё привлечь, но без промедления? Москаленко предложил взять на дело Жукова, который придаст операции дополнительного авторитета. Министр согласился, но при этом поставил условие, чтобы Жуков был без оружия...

В 11 часов 26 июня группа военных села в машину Булганина и поехала в Кремль. Подъехав к зданию Совета Министров, Москаленко вместе с Булганиным поднялся на лифте, а генерал-майор Баксов, генерал-полковник Батицкий, полковник Зуб и майор Юферев поднялись по лестнице.

Сразу же после условленных звонков они быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Маленков объявил: «Именем советского закона арестовать Берию». Москаленко направил пистолет прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх, а Жуков якобы обыскал его, после чего Берия был отведен в комнату отдыха Председателя Совета Министров.

В портфеле Берии обнаружили лист бумаги, на котором красным карандашом было несколько раз написано: «ТРЕВОГА, ТРЕВОГА, ТРЕВОГА». Видимо, когда о нём начался разговор на заседании, он сразу почувствовал, чем это может закончиться, и хотел как-нибудь передать этот лист своим людям в кремлёвской охране. Но Москаленко эти возможные действия Берии своим выстрелом решительно упредил...

О том, что не дожидаться никакого суда, а застрелить Берию на месте Москаленко мог и не по приказу Хрущёва, а вполне самостоятельно, опираясь исключительно на свой стратегический опыт и понимание опасности затеваемой ими акции (а точнее сказать — гибельности её возможного провала для всех, кто в ней участвовал). О том, что совершение тайных действий было ему не в новинку, красноречиво свидетельствует один из эпизодов Острогожско-Россошанской операции. Не

сумев убедить командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова в нецелесообразности проведения активных разведок на участке расположения 40-й армии, К.С. Москаленко решил сделать вид, что подчиняется приказу, а на деле организовал всё так, как считал нужным сам.

«Поскольку наступление главных сил намечалось на 14 января, — пишет он в своих воспоминаниях, — значит, разведку боем силами передовых батальонов нужно было провести 12-го. И вот, не посвящая командующего и штаб фронта в свои намерения, я распорядился — конечно, устно: к 12 января произвести смену войск на плацдарме, с тем, чтобы дивизии первого эшелона заняли исходные районы для наступления; главным же силам быть готовыми в случае успешного продвижения передовых батальонов немедленно перейти в наступление.

Решение несколько рискованное, согласен. Ведь противник мог случайно обнаружить появление у нас на переднем крае новых дивизий. Однако этот риск не шёл ни в какое сравнение с серьёзной угрозой, которая могла возникнуть, если бы мы, проведя разведку боем, представили затем врагу двойное суток для организации отпора нашему наступлению...»

Как видим, психологическая подоплёка организации данной операции имеет абсолютно ту же логическую схему, что и акция в отношении ареста Берии. То есть: если возможные ответные действия противника таят в себе (пускай даже и теоретическую!) угрозу реальной гибели, то они должны быть исключены, даже если на это не имеется санкции сверху. Думается, что именно из этой логики исходил Кирилл Семёнович Москаленко, нажимая на курок своего пистолета в зале заседания ЦК КПСС 26 июня 1953 года. И это не было ни мстью Берии за годы тотального страха, который не мог не переживать вместе со всеми советскими людьми и он, ни подвигом во имя народа. Он просто снимал этим «угрозу, которая могла возникнуть», если бы Берия оставался ещё какое-то время живым.

(О том, что он был способен принять абсолютно самостоятельное, не только ни с кем не согласованное, но и противоречащее приказу свыше решение, говорят и другие эпизоды из его весьма неординарной биографии. Однажды, как пишет полковник Ф.Д. Давыдов, случилось так, что «во второй половине мая 1942 года противник силами 1-й танковой, 6-й и 17-й армий окружил и разгромил основную часть наших наступавших на Харьков войск Юго-Западного и Южного фронтов. Оказавшийся под угрозой окружения, К.С. Москаленко самостоятельно отвёл свою 38-ю армию за реку Айдар, хотя это ему по тем временам и грозило тяжёлой карой».

И этот эпизод в судьбе Москаленко был далеко не единственным. И вообще, как пишут многие знавшие Москаленко по совместной службе, на фронте было хорошо известно всем о его личном бесстрашии и способности к немедленным активным действиям. Сам Сталин называл его за это «генералом наступления».)

Любопытен в этой истории момент, когда 27 июня в канцелярию московской гауптвахты, куда по официальной версии сопроводили после ареста Берию, примчались для проведения допроса генерал-полковники Круглов и Серов. Вышедший им навстречу К.С. Москаленко, якобы лично охранявший там Лаврентия, отказался подчиниться требованию прибывших и не допустил их к арестованному (которого он собственноручно пристрелил ещё сутки тому назад в Кремле), и чтобы как-то выкрутиться из щекотливой и небезопасной ситуации, принялся тут же дозваниваться в Большой театр, где в это время шла премьера оперы «Декабристы», на которой присутствовали Маленков и Хрущёв. Подошедший к телефону Маленков приказал всем троим прибыть в театр «на разборку».

Как рассказывает Москаленко, в антракте все руководители вышли в какую-то особую комнату, и там Круглов и Серов начали жаловаться на Москаленко за то, что он, мол, мешают им вести следствие, прячет от них арестованного и не позволяет с ним увидеться, чтобы снять показания. В ответ на это Москаленко заявил:

— Я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берией, я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия — враг нашей партии и народа. Поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему как к врагу. Но мы ничего плохого к нему не допускаем. (Хотя для жалобщиков было досаднее, что к нему не допускают не “ничего”, а “никого” — то есть их самих.) Если я в чём и не прав, подскажите, и я исправлю.

Но Москаленко был прав во всём, и Хрущёву с Маленковым это было известно, как никому другому, а потому они тут же оправдали его действия и сказали, что следствие будет вести новый Генеральный прокурор Р.А. Руденко, и Москаленко может в этом тоже участвовать (хотя просили-то этого как раз жаловавшиеся на него Круглов и Серов!).

Круглова и Серова отправили из театра восвояси, «а мне, — вспоминал впоследствии Москаленко, — предложили сесть за стол и выпить рюмку вина за хорошую, успешную и, как сказал Маленков, чистую работу».

Однако, при всей «чистоте» проделанной Москаленко «работы», извещать население об аресте Берии власти не торопились. Только 10 июля, то есть спустя две недели, появилось правительственное сообщение, согласно которому «на днях» (без указания даты) состоялся Пленум ЦК КПСС, заслушавший и обсудивший доклад Маленкова, сделанный от имени Президиума ЦК. Из сообщения следовало, что в этом докладе говорилось «о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берии, направленных на подрыв советского государства в интересах иностранного капитала...» Сообщалось также о решении исключить Берию «как врага партии и народа» из рядов КПСС (естественно, лишив его при этом всех занимаемых постов) и передать «дело о его преступных действиях на рассмотрение Верховного суда СССР».

Столь длительная задержка с опубликованием информации, говорит Н. Рубин, «невольно вызывает подозрение, что в данном случае произошло нечто экстраординарное, требующее исключительно тщательного «оформления», — вот вам и искомые две недели! Если исходить из того, что Берия был убит ещё 26 июня, то свидетелей, конечно, оставалось немало. Равно как и «антисвидетелей», то есть тех руководителей партии и государства, генералов и полковников, прочих лиц, которым вскоре суждено будет стать участниками мифа о «разоблачении» Берии. Ведь если все они отлично знали, что ничего этого не было, то, следовательно, необходимо было сверхтщательно «проинструктировать» каждого, чтобы легенда была прочной, надёжной и ни у кого не вызывала сомнений. Тут, пожалуй, и двух недель могло не хватить.

Эта двухнедельная задержка, почему-то не привлекающая внимание исследователей, весьма убедительно свидетельствует в пользу версии, согласно которой Берия был убит сразу же, при попытке арестовать его. А может быть, и не было никакой попытки ареста, а была чёткая ясная команда «убрать» Берию, как простоудно выразился Хрущёв...»

Завершая свою книгу о Берии, Николай Рубин пишет: «Согласно официальной версии, жизнь Лаврентия Берии оборвалась 23 декабря 1953 года. Возможно, так оно и было. Но ряд неясных и даже загадочных обстоятельств вполне позволяет допустить, что Берия был убит на полгода раньше, 26 июня, при попытке его ареста (или преднамеренно)».

Следует заметить, что ещё 3 августа генерал-полковнику Москаленко присвоили очередное звание генерал-армии, а в марте 1955 года дали звание Маршал Советского Союза. А до этого он с 1943 года в течение 10 лет носил на погонах три генеральских звезды.

Получается, что задержанием Л.П. Берии командовал не кто-нибудь, а именно он, Кирилл Семёнович Москаленко, а, значит, самые высокие звания он получил не за арест, а непосредственно за убийство Берии. Это он застрелил «лубянского маршала», и сделал это не после суда, а ещё 26 июня 1953 года, опираясь на устное распоряжение Маленкова, Хрущёва и Булганина. Так что смерть Лаврентия Берии наступила не в последней декаде декабря, а ещё в июне, задолго до его озвученного расстрела...